

Фэн Цзицай, Подзорная труба (фрагмент)

Сотню с лишним лет назад усадьба та еще стояла, а столетие назад ее уже не было. Другими словами, ни один из ныне живущих той усадьбы не видал.

В ту пору в Тяньцзине кто той усадьбы не видал, считай, настоящей красоты не знал. Это как если кто не слышал «Восемнадцати напевов» в исполнении Лю Ганьсяня, слух того много потерял, а кому не привелось полакомиться жареной рыбьей кожицей по рецепту семейства Бянь, одного из восьми знатнейших семейств города, тот счастья гурмана не изведal. Впрочем, раз уж приниматься за сравнение, то тут поважнее был праздник для глаз.

Рассказывают, что когда усадьба еще стояла на прежнем месте, один иностранец задержался перед ней, желая полюбоваться, да так засмотрелся, что достал свой фотографический аппарат, щелкнул им и сделал снимок. Кое-кому даже доводилось видеть этот снимок, как взглянешь – страх какая красота! В самой по себе усадьбе не было ничего из ряда вон выходящего: классический архитектурный ансамбль с тремя внутренними двориками и жилыми покоем по четырем сторонам света. Уникальной она была оттого, что в среднем дворике росло необычайно большое дерево – старая софора. Густая и плотная крона ее напоминала раскрытый зонтик гигантских размеров. Этим зонтиком она укрывала не только дворик посередине, но даже – представьте себе! – и передний, и задний дворики со всеми постройками. Подумайте только, каково это было – жить в таком доме? Во всяком случае под защитой исполинского дерева не страшен был ни ливень, ни ураганный ветер, ни палящее солнце; зимой дерево согревало, а летом дарило прохладу, так что жилось под ним без лишних забот, тихо и спокойно. С наступлением летнего зноя в больших домах знатных тяньцзиньских семей возводили здоровенные навесы из еловых жердей и тростниковых циновок, чтобы укрыться от палящего солнца. Но владельцам этой усадьбы ничего подобного и не нужно было. Развесистая софора сама служила естественным навесом – не говоря уже о том, как все преображалось в пору цветения!

Каждый год в мае деревья покрывались цветами. Посреди обширного квартала домов из однообразного серого кирпича в районе Бэйчэн будто бы возвышался необыкновенно большой цветочный горшок, и видно его было издалека. Ветер разносил изумительный аромат цветов софоры даже в отдаленные уголки города. Когда дул юго-восточный ветер, аромат цветов смешивался с запахом благовоний, тлеющих в храме духа-покровителя города Чэн-хуана, что в северо-западной части города. А когда задувало с

северо-запада, то цветочный аромат примешивался к запаху благовоний, возжигаемых в храме Байи¹, что напротив школы Чжунъин. В течение дня сильнейшее благоухание приходилось на раннее утро и поздний вечер, аккурат на те часы, когда городские ворота открывались поутру и запирались ввечеру. Открытие и закрытие городских ворот отмечал колокол на барабанной башне, потому и аромат цветов сливался воедино с его протяжным звоном.

А всё-таки, сливался ли звон колокола с цветочным ароматом, или цветочный аромат – со звуками колокола?

Ну ладно, а каково было той семье, что жила под сенью душистого дерева? Какая благодать была вдыхать этот аромат, как же сладко им спалось! Люди в районе Бэйчэн рассказывали, что, когда кто-нибудь из этой семьи выходил на улицу, то от его особы веяло цветами софоры. С наступлением сезона опадающих цветов все преображалось: черепичную крышу и весь двор белым покрывалом устилали лепестки, будто после снегопада. Сегодня их сметут, а завтра они снова выпадут. Стоило какой-нибудь женщине из этого дома чуточку постоять во дворе, как дерево непременно роняло на ее черные пряди парочку голубеньких и желтеньких лепестков, словно надевая украшение. Этой порой из семейных аптекарских лавок посылали людей с мешками для сбора опавших лепестков софоры². Если кто-нибудь приходил в такую лавку за сушеными лепестками, то слышал от радостно улыбающегося приказчика: «А вот это – лепестки софоры из усадьбы семьи Оуян на Фушуйской улице!»³.

Семейство Оуян не знало недостатка в лепестках софоры, и это было причиной большой гордости для старого господина Оуяна.

В сезон опадающих цветов он больше всего любил поставить пустую чайную пиалу на каменный столик во дворе, с открытой крышечкой, и налить в нее один только кипяток, больше ничего. Спустя какое-то время лепестки софоры без единого шороха слетали в пиалу. Как только напиток заваривался, лепестки немного расправлялись, и пиалу благоухающего желанными ароматами софорового чая можно было взять и выпить в любое время...

Удивительно и просто, просто и удивительно!

¹ Храм в честь богини милосердия Гуаньинь. Досл. «храм Белых одежд».

² Сушеные цветки софоры в китайской медицине применяются как кровоостанавливающее средство.

³ Досл. «улица присутственных мест».

Неужели и вправду был такой дом? А отчего же его не стало? И куда делись те, кто жил в нем? А как насчет той заслонявшей небо и землю софоры? Разве под силу кому-нибудь было забрать такое дерево? Ведь было сказано, что иностранец сфотографировал усадьбу, так? Где теперь тот снимок? Боюсь, что даже те, кто видел тот снимок, ничего не расскажут, сколько ни спрашивай.

Впрочем, почему вам так не терпится поглядеть на тот снимок? Фотография – всего лишь изображение, запечатлевшее людские тени, но много ли прошлого, много ли истории оно способно вместить? Чтобы разузнать все в деталях, как было на самом деле, придется все-таки опираться на приведенный ниже текст.

Так или иначе, самым необъяснимым все же остается возраст этой усадьбы. Как уже упоминалось в самом начале – «сотню с лишним лет назад усадьба та еще стояла» – выходит, было ей далеко за сотню с лишним лет.

Одни говорят, что она появилась еще в эпоху Мин, а по словам других выстроил ее торговец солью на заре цинской эпохи. Во всяком случае, торговец солью впоследствии переехал. Усадьба не раз переходила из рук в руки, меняя владельцев, даже пару раз основательно ремонтировалась, так что в ней уже трудно было найти что-нибудь минское. Пожалуй, только две вырезанные из камня головы тигров у главного входа, на основании арки ворот, радушными мордочками выдавали свою минскую родословную.

Исторически так сложилось, что усадьбу переделывал на свой лад тот или иной владелец, совсем как страну со всеми ее горами, реками и алтарями вертел в своих руках тот или иной император. Лишь старая софора оставалась нетронутой, да и как ее было тронуть, ведь стоило только тронуть – она и погибла бы. В годы «Гуансюй»⁴ нашелся один мудрый человек, сказавший, что с древних времен было принято сначала строить дом, а потом сажать дерево, но не наоборот.

Знать бы, сколько лет великой софоре, тогда можно было бы определить возраст усадьбы. И вот человек, разбирающийся в деревьях, встал и сказал: этой старой софоре по меньшей мере триста лет. Стало быть, возраст усадьбы следует отсчитывать с эры минского императора Ваньли⁵. Правда, в те времена она только начинала строиться. Если же взглянуть на изображения на арке ворот и каменном экране напротив, то все эти росписи были добавлены «для пущей красоты» уже позднее, когда усадьбу

⁴ Под девизом «Гуансюй» (1875–1908) правил предпоследний цинский император Айсиньгёро Цзайтянь.

⁵ Период правления императора Ваньли пришелся на 1572-1620 годы.

перестраивали. Где-то в годы «Даогуан»⁶ был еще один владелец, который занимался перепродажей колониальных товаров и сколотил на этом целое состояние. Он был заносчив до небес: все мечтал о том, чтобы усадьба была вся отделана золотом да серебром, и чтобы его богатство всех ослепляло. Поначалу он вознамерился сломать арку у ворот дома, чтобы перестроить ее, приподняв на шесть чи⁷, а еще выложить пол внутри и снаружи усадьбы новенькими каменными плитами. К счастью, его женошка решила, что на старой софоре чересчур много птиц (сверху на нее то и дело падал склизкий птичий помет), так что они отказались от первоначальных планов, купили обширный участок земли на улице Ляндянь-хоуцзе, что в районе Хэбэй, построили там новый дом и съехали из усадьбы.

Получается, улыбнулась судьба старой усадьбе, раз она избежала разрушения.

Когда же усадьба перешла во владение старого господина Оуяна, прибывшего из города Цыси, что в провинции Чжэцзян, с намерением открыть бумажную лавку, то удача изменила усадьбе. Господин Оуян не собирался ничего ломать или переделывать, напротив, ему приглянулся этот массивный, просторный, тихий и изысканный старинный дом с долгой историей, понравились его старые стены из потертого кирпича и окна, увитые зеленью, – а особенно удивительная старая софора.

Господин Оуян хоть и был торговцем, но большинство торговцев из Чжэцзяна поддерживали традиции литераторов. Уважение к книгам и поэзии в равной степени питали люди во всем регионе к югу от реки Янцзы, не зря ведь современники говорили, что Цзяннань из двух провинций состоит, одна – Цзянсу, Чжэцзян – другая. Разница между ними была в том, что выходцы из Цзянсу увлекались сочинительством и живописью, повсюду там были поэты и художники, а вот выходцы из Чжэцзяна становились либо чиновниками, либо торговцами, причем половина ученых людей выбирала стезю чиновничью, а другая половина – торговую. Только в его родном городе Цыси насчитывалось пятьсот цзиньши⁸ за все минувшие эпохи. Вот почему большинство чиновников из Чжэцзяна были драматургами, поэтами или писателями, а торговцы блистали знанием конфуцианских канонов. Хоть они и зарабатывали на службе золото да серебро, зато дома у них не бывало недостатка ни в книгах, ни в чернилах. Пусть старый господин Оуян и не

⁶ Под девизом «Даогуан» (1820–1850) правил восьмой цинский император Айсиньгёро Мяннин.

⁷ Китайская мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра.

⁸ Высшая ученая степень, получение которой открывало широкие возможности для чиновничьей карьеры.

перестраивал старый дом, но все-таки обновил прежнюю безвкусную резьбу по дереву и кирпичную резьбу на фасадах усадьбы, отказавшись от связок монет и сосудов избытка, заменив их изображениями рыбака, дровосека, земледельца и ученого⁹, образами лютни, шахмат, каллиграфии и красок, благородными цветами сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы, или изображениями Восьми Бессмертных¹⁰. Он избавился только от той мирской чепухи, что привнесли более поздние владельцы, и оставил лишь первоначальную торжественность старой усадьбы и присущую ей уравновешенность. В глубине души он знал, что степенное изящество эпохи Мин полностью исчезло ко времени Цин, и чем больше старинных вещей будет в доме, тем прочнее будет его духовное основание.

Будучи главой семейства, он должен был бы жить в самом дальнем дворике, но крона старой софоры укрывала оба дальних дворика, практически не пропуская солнечного света. Старый господин любил выращивать цветы, поэтому решил жить в ближнем дворике, ведь туда ранним утром и поздним вечером проникали косые лучи солнца, столь любимые цветами.

В первом дворике по центру усадьбы находился дом с парадной гостиной и двумя комнатами по бокам. Гостиная прежде использовалась для приема гостей, потолок там был высокий, двери и окна достаточно широкими, внутри было просторно и удобно. Однажды господин Оуян сидел в гостиной и вдруг увидел, что по всему двору пляшут тени от ветвей дерева, точно чернильные лоскутки, смотревшиеся необычайно красиво. Среди всех древних и современных сочинений его любимыми были поэтические творения Су Ши¹¹. Вполне естественно, что при виде этой красоты ему на ум пришла строчка из стихотворения «Ода, сочиненная в Зале Трех софор»: «Зал утопает в тени софор». Она так хорошо пришлась к его двору, что он решился побеспокоить известного тяньцзиньского мастера Чжао Юаньли, обратившись к нему с просьбой начертать в каллиграфической форме надпись «Зал Тенистой софоры», и вдобавок к этому потратил большие деньги, чтобы пригласить мастера Чжу Синляня, известного на весь Тяньцзинь резчика по дереву, выгравировавшего эти слова на доске из твердого дерева позолоченными иероглифами по черному фону. Когда надпись повесили по центру большой стены, обращенной к парадной

⁹ Четыре образа, используемые чиновниками для обозначения жизни после выхода в отставку.

¹⁰ Изображение восьми святых даосского пантеона украшает в Китае храмы, дома, изделия из фарфора, этот мотив также популярен в традиционной китайской живописи.

¹¹ Выдающийся поэт эпохи Сун (1037–1101).

гостиной, он на время почувствовал себя благородным и знатным, полным жизненных сил.

Вслед за пришедшим к нему воодушевлением его посетила новая идея: установить по такому случаю изящные ворота с фестонами перед внутренним входом во двор усадьбы. Столяра он пригласил издалека, прямо из своего родного города Цыси. Сделано все было исключительно из дерева, без всяких разноцветных лаков, так, чтобы дерево сохраняло свой натуральный цвет, имело скромный и изысканный вид. В этом, пожалуй, выразилась и известная доля ностальгии по далекому прошлому.